

УДК 910.4(091):912(1-924.71):929ДЕБАЙ"1905"

**КРЫМ В ОПИСАНИИ И НА ФОТОГРАФИЯХ
ФРАНЦУЗСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА ЖОЗЕФА ДЕ БАЯ (1905 г.).
ЧАСТЬ 3. СИМФЕРОПОЛЬ, БАХЧИСАРАЙ, ЕВПАТОРИЯ, СЕВАСТОПОЛЬ¹**

Петрова Э. Б.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: petrova_eleonora@mail.ru*

Среди сочинений путешественников по Крыму начала XX в. представляет исторический и этнографический интерес книга «В Крыму» французского ученого (археолога, этнографа, историка), путешественника, коллекционера, фотографа, много сделавшего для установления связей Франции с Россией, барона Жозефа де Бая (Joseph de Baye; 1853–1931). Книга опубликована в Париже в 1906 г. и ранее не издавалась в русском переводе. Путешествие де Бая состоялось в августе – октябре 1905 г. Он посетил Симферополь, Бахчисарай и его округу, Евпаторию, Ялту, Алупку, Никиту, Гурзуф, Алушту, Феодосию, Старый Крым, Отузы, Судак, Новый Свет, в Юго-Западном Крыму – Инкерман, Балаклаву, Херсонес и Севастополь. Интерес Жозефа де Бая к Крымскому полуострову был профессиональным. Его книга и фотографии дополняют наши знания о Крыме начала XX в., облик и быте населявших его народов, памятниках истории и культуры. Данная статья – продолжение публикации книги Жозефа де Бая. Перевод книги на русский язык – Г. И. Беднарчика.

Ключевые слова: путешественники по Крыму начала XX в., барон Жозеф де Бай, Симферополь, Бахчисарай, Успенский монастырь, Чуфут-Кале, Мангуп, Каралез, Евпатория, Херсонес, Севастополь.

Эта статья – завершение публикации книги «В Крыму» французского историка, археолога, этнографа, большого друга России барона Жозефа де Бая, вышедшей из печати во Франции в 1906 г. [18]. В двух предшествующих номерах «Ученых записок Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского» представлены те части сочинения де Бая, в которых говорится о его вояже по крымскому Южнобережью и Юго-Восточному Крыму. В данной статье речь пойдет о его пребывании в Симферополе, Бахчисарае и Юго-Западном Крыму.

Жозеф де Бай путешествовал по полуострову в августе – октябре 1905 г., посетил многие места в разных его частях, сделал много фотографий, часть их поместил в книге². Он бывал в Крыму и ранее, но книгу посвятил своей, по-

¹См. части 1, 2: Петрова Э. Б. Крым в описаниях и на фотографиях французского путешественника Жозефа де Бая (1905 г.). Часть 1. Южный берег Крыма // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия: «Исторические науки». – 2017. – Т. 3 (69), № 4; Петрова Э. Б. Крым в описаниях и на фотографиях французского путешественника Жозефа де Бая (1905 г.). Часть 2. Юго-Восточный Крым // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия: «Исторические науки». – 2018. – Т. 4 (70), № 1.

² Фотографии, представленные в данной статье, взяты из книги Ж. де Бая «В Крыму», а также из альбомов со снимками Ж. де Бая, хранящимися в парижском Музее на набережной

видимому, последней поездке. И начинается она с рассказа о посещении **Симферополя** – «столицы Тавриды», где де Бай получил от таврического вице-губернатора графа Николая Леонидовича Муравьева сопроводительные документы, с которыми путешественнику легче передвигаться по полуострову, тем более что время было беспокойное – разгар первой русской революции.

Рассказ о Симферополе лаконичен. Начинается он с памятника Екатерине II в городском саду (ныне Екатерининский сад; памятник установлен в 1890 г. и демонтирован в 1921-м; восстановлен в 2016 г.). Прослеживается завершающий этап в деле присоединения Крыма к России. Чтобы подчеркнуть величие произошедшего, Жозеф де Бай цитирует два фрагмента из оды Гавриила Романовича Державина «На приобретение Крыма» (1784 г.). Далее, как и у других вояжеров, речь идет о предшественнице Симферополя – Ак-Мечети, резиденции калги-султана.

Следующий пункт путешествия – **Бахчисарай**, о котором де Бай рассказал наиболее подробно, «назначив» своим гидом Александра Сергеевича Пушкина, «сумевшего гениально передать ощущения человека, впервые посетившего этот удивительный дворец». На сделанной де Баем у входа в Ханский дворец фотографии – двухэтажный дом в восточном стиле (перед ним – Екатерининская миля), подпись под фотографией свидетельствует о том, что это дом некоего Льва Хайна и в нем наш путешественник «провел несколько дней». Это здание предназначалось для приезжих, но в первую очередь было кофейней «Искудар» – лучшей и весьма популярной в Бахчисарае того времени. (Здание сохранилось в значительно перестроенном виде; ныне в нем располагаются службы Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника.) Следует, однако, заметить, что в книге де Бай описал гостиницу «для почетных гостей», расположенную по сторонам от входных ворот дворца, причем описал так, как будто он в ней останавливался: «По своей наивности я предполагал встретить здесь приятный комфорт... но на самом деле обнаружил отсутствие некоторых элементарных удобств». Может быть, у Льва Хайна он просто подолгу засиживался за чашкой кофе?

Бахчисарай, пишет Ж. де Бай, – город с «единственной улицей, больше похожей на оживленный восточный базар». Главная его достопримечательность – Ханский дворец, этот волнующий душу «элегантный, грациозный, просто обворожительный архитектурный ансамбль», «уникальный и живописный архитектурный памятник, утопающий в зелени душистых деревьев». Историк или археолог, пишет де Бай, может провести здесь всю свою жизнь, изучая многочисленные элементы дворца – и те, что относятся к времени ханов, и те, что появились позднее. Бахчисарайский дворец описан автором довольно профессионально, со знанием дела, но и художественно – сообразно тем чувствам, во власти коих он оказался, попав в святая святых ушедших в небытие правителей Крымского ханства. Основание дворца де Бай связывает с ханом Менгли Гиреем I и

Бранли (Le musée du quai Branly) и представленные в общедоступных ресурсах Интернета, не содержащих ограничений для их заимствования.

приурочивает это событие к 1475 г. Но уже турецкий путешественник Э. Челеби называл создателем архитектурного комплекса Бахчисарайского дворца хана Сахиб Гирея I. Начало же формирования комплекса современные авторы относят к 30-м гг. XVI в.

«Неоспоримым сокровищем» называет Ж. де Бай знаменитые бахчисарайские фонтаны – Золотой и Фонтан слез (Сельсебиль), цитирует стихи поэта Шейхия и А. С. Пушкина. В надписи на Фонтане слез ошибочно называет дату его постройки – 1748 г. На самом деле фигурирующий в надписи 1176 г. хиджры соответствует 1763/4 г. н. э.

Впрочем, наш путешественник не преминул отметить, что во дворце все «находится в запустении», внутренние покои мрачноваты, у Фонтана слез «кончились слезы», в мраморном бассейне нет воды, а какой-то «неграмотный мазила» безжалостно покрасил роскошный портал (Демир-Капу – «Железная дверь») работы итальянского зодчего Алевиза (Фрязина Нового). «И это не единственное преступление безответственного пачкуна», – возмущается француз.

Произвели впечатление на Жозефа де Бая Большая ханская мечеть (Биюк Хан-Джами) и ханское кладбище. Он цитирует надписи на мечети и на «украшенном удивительным восточным орнаментом» надгробии Крым Гирея (которого ошибочно называет предпоследним крымским ханом). Де Баю на память приходит легенда о Крым Гирее и его возлюбленной пленнице Марии Потоцкой, а заодно он вспоминает «Гробницу Потоцкой» из «Крымских сонетов» Адама Мицкевича.

Описание Бахчисарая завершается добрыми словами об «известнейшем татарском просветителе» Исмаиле Гаспринском (1851–1914). Ж. де Бай отметил, что Гаспринский владеет французским языком и издает газету на русском и татарском языках. Упомянул о своей встрече с ним (к сожалению, без подробностей) и сделал его фотографический портрет.

В Бахчисарае де Бай вообще много фотографирует. На снимках – вход в Ханский дворец (с мостиком через реку Чурук-Су, дворцовыми воротами и Екатерининской милей слева от входа); портал Алевиза (Демир-Капу); Золотой фонтан и Фонтан слез; мавзолей (дюрбе) Дилиры-бикеч («Марии Потоцкой»). Сделал он также фотографии на татарской свадьбе, где ему довелось побывать.

Рассказ о ближайших к Бахчисараю привлекательных для путешественников местах начинается с **Успенского монастыря**, самой древней постройкой которого была церковь Успения Божией Матери. Затем автор переходит к греческой деревне Мариамполь, покинутой жителями в 1778 г. Впрочем, обо всем этом говорит коротко и замечает: «К сожалению, у меня здесь нет возможности более подробно рассказать об этом монастыре». Причина, по которой и здесь, и в некоторых других местах де Бай столь лаконичен (порой даже чересчур), нам неизвестна.

А вот повествование о **Чуфут-Кале** куда более пространно. Осмотр начался с караимской кенасы. Затем последовал мавзолей (дюрбе) Ненекеджан-ханым. Кажется, и этот памятник, и многочисленные легенды о дочери золотоордынского хана Тоштамыша произвели на французского путешественника сильное впечатление. А добротные надгробия Иосафатовой долины навели на мысль о «богатстве караимов, разбросанных по всей России». В «вымершем городе» Чуфут-

Кале де Бай фотографирует часть восточной оборонительной стены с воротами Биюк-Капу и Большую кенасу.

Побывав на горе **Мангуп** и осмотрев остатки города-крепости на ней, Жозеф де Бай отметил, что «на месте древнего городища раскинулась пустошь». Это не удивительно, ведь к тому времени городище было еще очень слабо исследовано археологически. Ж. де Бай определил, что некогда город был довольно крупных размеров – «судя по большому количеству могил, спрятавшихся в тени лесов, отделяющих Мангуп от деревни Королез». Имеется в виду обширное караимское кладбище в балке Табана-Дере, по которой наиболее удобно подниматься на плато горы Мангуп.

Известно, что Жозеф де Бай был сторонником теории о долговременном пребывании готов в Крыму. И он пишет: «В течение долгого времени Мангуп-Кале являлся прибежищем для готов Южного берега Крыма. Как утверждает путешественник Броневский, вплоть до XV века Мангуп принадлежал готам и их князьям». Однако в книге «Описание Крыма» посланника польского короля Мартина Броневского, посетившего Крым в 70-х гг. XVI в., ничего не говорится о готах, а мангупские князья названы греками. По-видимому, де Бай по случайной ошибке назвал Мартина Броневского вместо другого поляка – Матфея (Мацея) Меховского, в чьем трактате «О двух Сарматиях, Азиатской и Европейской, и о находящемся в них», опубликованном в Кракове 1517 г., как раз и говорится о готском происхождении мангупских князей. Но для нас важно то, что де Бай был знаком с сочинениями обоих поляков.

На одной из сделанных им фотографий представлен фрагмент оборонительной стены Мангупа. Сейчас мы знаем, что это руины цитадели – резиденции мангупского князя.

В деревне **Каралез** (Юхары-Каралез, ныне с. Залесное), что недалеко от Мангупа, Ж. де Бай задался вопросом о том, почему среди здешних татар, а также татар крымского Южного бережья встречаются белокурые и голубоглазые, со светлым оттенком кожи, явно отличающиеся от татар степных. Ранее ему доводилось заниматься так называемым готским вопросом, а теперь, оказавшись в Крыму, он нашел подтверждение своей теории (впрочем, далеко не только его): «...татары Южного бережья на самом деле являются потомками готов, греков и гуннов, принявших ислам».

А вот в **Евпатории** живут степные татары, «которые, в отличие от своих горных и южнобережных сородичей, имеют ярко выраженные монгольские черты лица».

В Евпатории Ж. де Баю понравилось, кажется, все. Здесь ему оказали «исключительно сердечный прием» караимский гахам Самуил Моисеевич Панпулов (Пампулов) и «известнейший караимский ученый» Илья Ильич Казас. О Казасе наш автор рассказывает подробно, с удовольствием, в особенности о его педагогической деятельности и его переводах на древнееврейский язык произведений известных европейских писателей и ученых – по большей части французских. Де Бай поддержал мнение Казаса о том, что караимы не являются чисто семитским племенем, так как некогда их предки смешались с хазарами. Нужно сказать, что в

вопросе о происхождении караимов ученые до сих пор не пришли к единому мнению.

Привлекательным показался французскому путешественнику и сам город Евпатория, наполненный национальным колоритом и во многом сохранивший средневековый облик. Из старых построек наибольшее впечатление произвела на него мечеть Джума-Джами (Хан-Джами, Пятничная) – «самая большая во всем Крыму». Ж. де Бай говорит, что она построена по чертежам константинопольской Святой Софии, а потому похожа на христианский собор. Здесь он повторяет существовавшее в литературе XIX в. и уже довольно давно отвергнутое наукой утверждение о том, что Джума-Джами перестроена из христианского храма.

Описывает де Бай евпаторийский базар с его древними воротами (Одун-базар капуси – ворота татаро-турецкой крепости средневекового Гезлева), улицами с домами, в основном глиняными, спрятавшимися за высокими каменными стенами и недоступными для иностранцев. Однако де Баю все-таки довелось побывать в одном из таких татарских жилищ.

Видел он и «один из этапов татарской свадьбы», на которой невеста, как положено по традиции, оплакивала свою судьбу, а в это время у ее дома веселились гости, танцуя под зажигательную музыку цыганского оркестра.

В Евпатории он фотографирует главные достопримечательности – мечеть Джума-Джами, караимские кенасы, а также городскую набережную с купальнями, в обрамлении красивых построек. Несколько снимков сделал он и на татарской свадьбе, запечатлев девушек, танцующих под аккомпанемент цыганских музыкантов.

Книга Жозефа де Бая завершается упоминанием его поездки в район Севастополя. Об Инкермане и Балаклаве сказано только то, что он их посетил. В **Инкермане** сфотографировал остатки средневековой крепости Каламиты и монастырские постройки. А в **Балаклаве** – ее причудливую, скрытую горами бухту, у входа в которую возвышаются руины генуэзской крепости Чембало¹. Здесь представлено два входных мыса в бухту: восточный – мыс Георгия, оконечность горы Кастрон, на которой находится крепость Чембало, и западный – мыс Курона. Мыс Георгия снят из окна дома княгини Александры Александровны Оболенской (урожд. Апраксина; 1851–1943)². Снимок сделан из окна, значит, Ж. де Бай побывал в этом доме – конечно, по приглашению хозяев.

Гора Кастрон с остатками крепости Чембало снята с западной стороны бухты, где, как видно на фото, велись строительные работы. Под горой – дачи.

Балаклавская бухта интенсивно застраивалась, главным образом дачами, в 90-х гг. XIX – начале XX в. На одной из фотографий, сделанных де Баем со склона горы Кастрон, – большая часть бухты с домами по обеим ее сторонам. На переднем плане справа – постройки на восточной стороне бухты. Двухэтажный дом с

¹ Благодарю Алексея Валерьевича Иванова за помощь в описании изображений на фотографиях, сделанных Ж. де Баем в Балаклаве.

² А. А. Оболенская – сестра графа М. А. Апраксина и графини М. А. Апраксиной, жена князя Владимира Сергеевича Оболенского-Нелединского-Мелецкого (1847–1891), близкого к императорской семье; фрейлина императрицы Марии Федоровны.

трехэтажной восьмигранной угловой башней, «по некоторым данным, принадлежал семейству Михели» (Георгий Яковлевич Михели – городской староста Балаклавы [9]), он построен в самом начале 1900-х гг. «в стиле исторического модерна» [17, с. 232]. (Дом Михели до нашего времени не сохранился.) За ним на снимке видны деревянные купальни. А на втором плане слева – целый ряд зданий на противоположной, западной, стороне бухты.

На другой фотографии – красивое белое здание, расположенное недалеко от входа в Балаклавскую бухту, на ее западном берегу; на переднем плане справа – экипаж. Подпись под фотографией – «Дом графини Апраксиной». Это главный корпус имения «Прибой» графа Матвея Александровича Апраксина (1863–1926), морского офицера, человека, близкого к императору Николаю II. Графиня Мария Александровна Апраксина (1854–1916) – сестра графа М. А. Апраксина и княгини А. А. Оболенской. Дом построен в самом начале 1900-х гг. в стиле неогрек, автор проекта – академик архитектуры, архитектор Высочайшего двора Николай Петрович Краснов [см., например: 17, с. 244–245]. (Сейчас от этого здания остался только цокольный этаж с арками.)

Дачи, некогда украшавшие уникальную Балаклавскую бухту, до нашего времени в основном не сохранились, и мы можем любоваться ими лишь на фотографиях, в том числе на тех, что сделал Жозеф де Бай во время пребывания в Балаклаве¹.

Посещение руин древнего **Херсонеса** вызвало у де Бая волну исторических воспоминаний: «Именно в Крыму начинается история России. В Херсонесе, близ Севастополя, Владимир принял наследство Византии. В чем же выражалось это наследство? В вере, которую представляли греческие иконы, и в любви, которую олицетворяла византийская принцесса. Крещение и женитьба Владимира положили начало истории России». Ж. де Бай сравнивает короля франков Хлодвиг I (Кловиса) и киевского князя Владимира Святославича – двух жестоких язычников, с принятием христианства воспылавших «любовью ко всему тому, что когда-то сами сжигали».

А вот о руинах Херсонеса-Херсона – ни слова. Но они, конечно, не могли оставить равнодушным археолога, и Ж. де Бай фотографирует то, что показалось наиболее привлекательным. Здесь он познакомился со своим коллегой – Карлом (Николаем) Казимировичем Косцюшко-Валюжиничем (1847–1907). Можно представить, какой интересной была их беседа, как много общего оказалось у этих двух археологов-любителей, к тому времени уже ставших профессиональными исследователями. Карл Казимирович – личность необыкновенная. Могилевский дворянин родом из литовских поляков, он всего себя отдал служению науке, в одном из писем признавшись: «Для меня расстаться с Херсонесом – то же самое, что расстаться с жизнью» [цит. по: 15, с. 33]. Член Одесского общества и древностей, Таврической ученой архивной комиссии, действительный член Императорской археологической комиссии, он стал первым официальным заведующим раскопками Херсонеса (1888–1900) и в сложных (во многих

¹ В 2008–2011 гг. на балаклавской набережной заново воссоздан дом Михели (а также дома актрисы Соколовой и врача Педькова).

отношениях) условиях работы открыл огромное количество памятников античного и средневекового Херсонеса-Херсона. Им было сделано «поразительно, фантастически много! Пожалуй, никогда больше работы не проводились с таким энтузиазмом, размахом и упорством... были вскрыты до основания многие сотни метров городских оборонительных стен... открыто или доследовано около двух десятков храмов, базилик, в том числе самых значительных, десять часовен, ряд крупных гробниц, 2400 могил, склепов, более 200 жилых помещений, несколько больших домов, усадеб или общественных зданий» [15, с. 30].

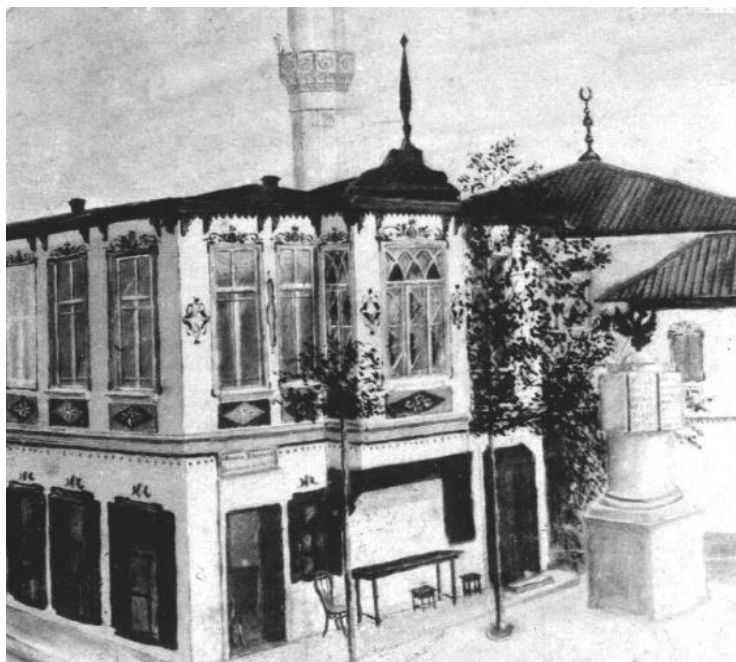
К. К. Косцюшко-Валюжиничу принадлежит пальма первенства в создании музея на территории Херсонесского городища. Поначалу это был «Склад местных древностей», со временем выросший в уникальный музей, а потом – и в историко-археологический заповедник¹. У этого «Склада...» и сфотографировал Ж. де Бай уже немолодого и к тому времени не очень здорового Карла Казимировича (14 (27) декабря 1907 г. К. К. Косцюшко-Валюжинича не стало. Его могила с памятником в виде мраморной колонны находится в центре Херсонесского городища). Сделал он также снимки у входа в «Склад...» с добытыми К. К. Косцюшко-Валюжиничем в ходе раскопок фрагментами колонн, архитектурных деталей, отдельно снял частично сохранившуюся надгробную известняковую плиту, обнаруженную в 1900 г. Карлом Казимировичем при раскопках на южном участке оборонительных стен Херсонеса. Плита датируется II в. н. э., «украшена полукруглыми пилястрами с гладкими дорическими капителями» и содержит латинскую надпись².

Сфотографировал он «катакомбы возле развалин христианской церкви». Это позднеантичные склепы у Южного Загородного крестообразного храма (храм Богородицы Влахернской) византийского времени, располагавшегося в Карантинной балке, на территории херсонесского некрополя. И храм, и склепы раскапывал К. К. Косцюшко-Валюжинич, он и показал «катакомбы» де Баю.

Крымский вояж французского путешественника завершился в **Севастополе**. Здесь он поселился в гостинице «Кист» (одной из лучших и дорогих в городе; в ней останавливались люди состоятельные и разные знаменитости) – судя по тому, что из окна этой гостиницы снял вид на Екатерининскую площадь (ныне площадь Нахимова) и парадный вход на Графскую пристань со стороны площади. Гостиница «Кист» состояла из двух соединенных между собой зданий, построенных в XIX в.: одно двухэтажное, другое трехэтажное. (Сейчас это здание административных служб Черноморского флота Российской Федерации.)

¹ А. Л. Бертъе-Делагард (1903 г.): «Прибыв в Херсонес, я начал с осмотра музея, содержимого г(осподином) Костюшком в блестящем виде и удивительном порядке. Там теперь собраны в изобилии всякие древние находки, заслуживающие не только изучения, но и издания» [2, с. 3].

² Перевод надписи: «Богам Манам. Марину и Валерию, братьям-рабам, Гемин(ий)... Валер(ий)...». По предположению Э. И. Соломоник, Марин и Валерий могли сопровождать в Крым римского легионера, погибли во время военной стычки под Херсонесом. Сейчас плита находится в фондах историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический».

*Рис. 1. Бахчисарай. Дом Льва Хайна,
в котором Жозеф де Бай провел несколько дней*

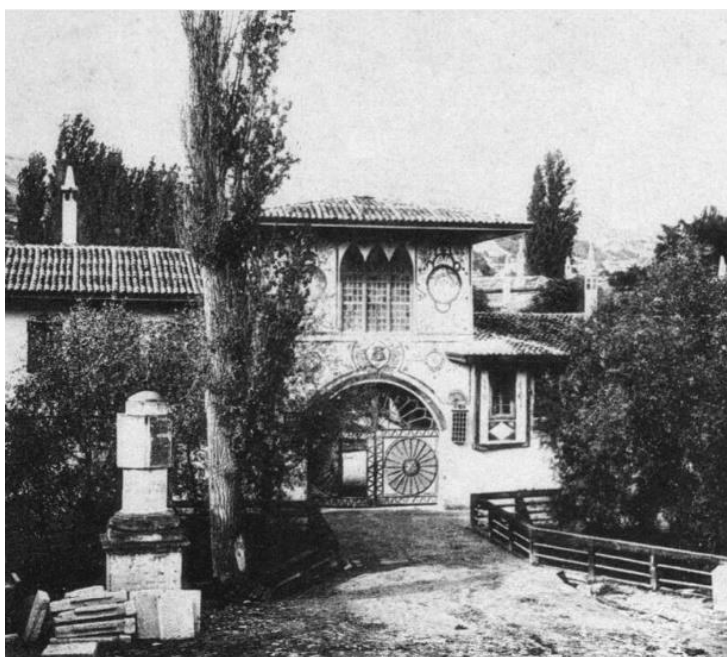

Рис. 2. Бахчисарай. Вход в Ханский дворец

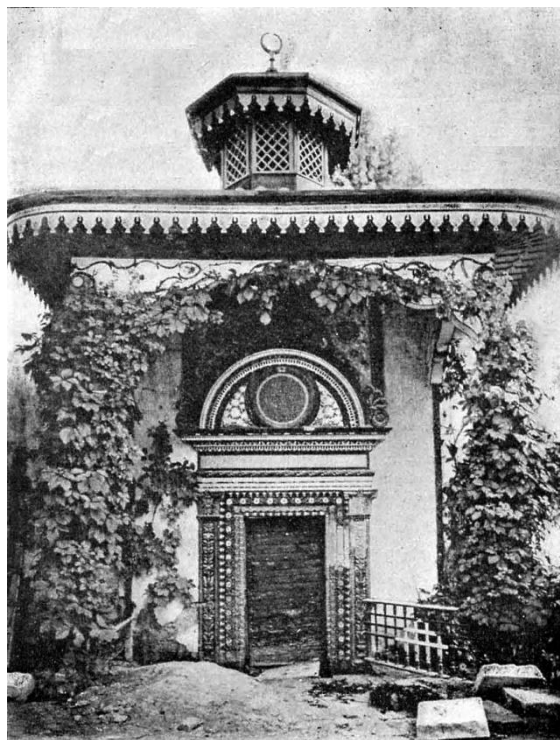

Рис. 3. Бахчисарай. Входная дверь в Ханский дворец – портал Алевиза (Демир-Капу)

Рис. 4. Бахчисарай. Летняя беседка и Золотой кабинет в Ханском дворце

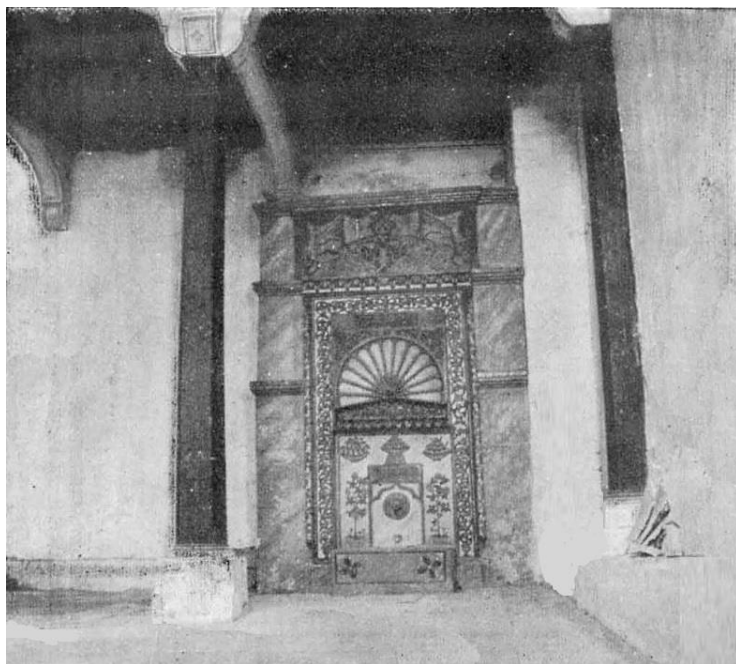

Рис. 5. Бахчисарай. Золотой фонтан в Ханском дворце

Рис. 6. Бахчисарай. Фонтан слез (Сельсебиль) в Ханском дворце

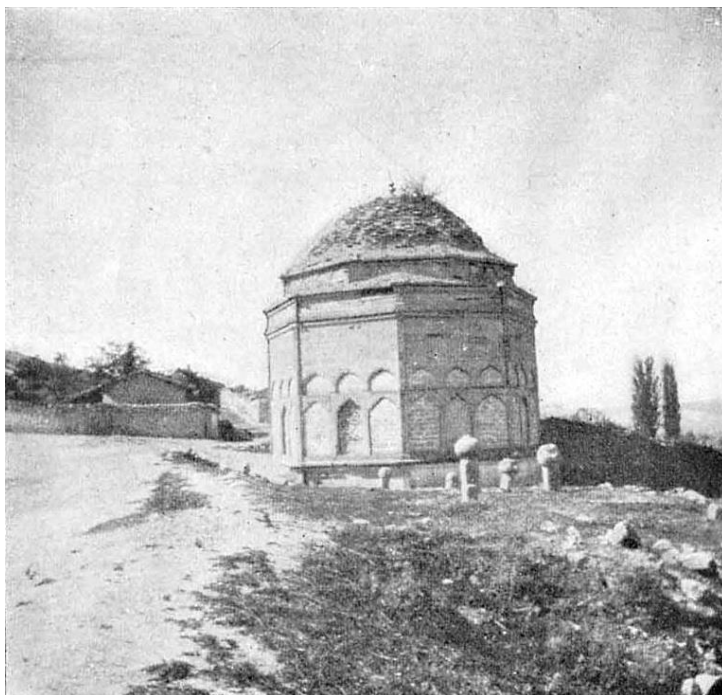

Рис. 7. Бахчисарай. Мавзолей (дюрбе) Диляры-бикеч («Марии Потоцкой»)

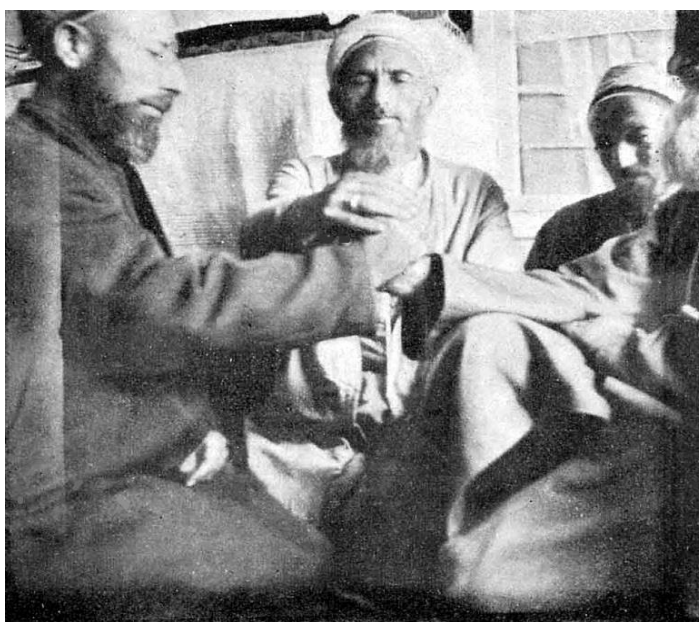

Рис. 8. Бахчисарай. Татарская свадьба по доверенности

Рис. 9. Бахчисарай. Исмаил-бей Гаспринский, крымско-татарский просветитель

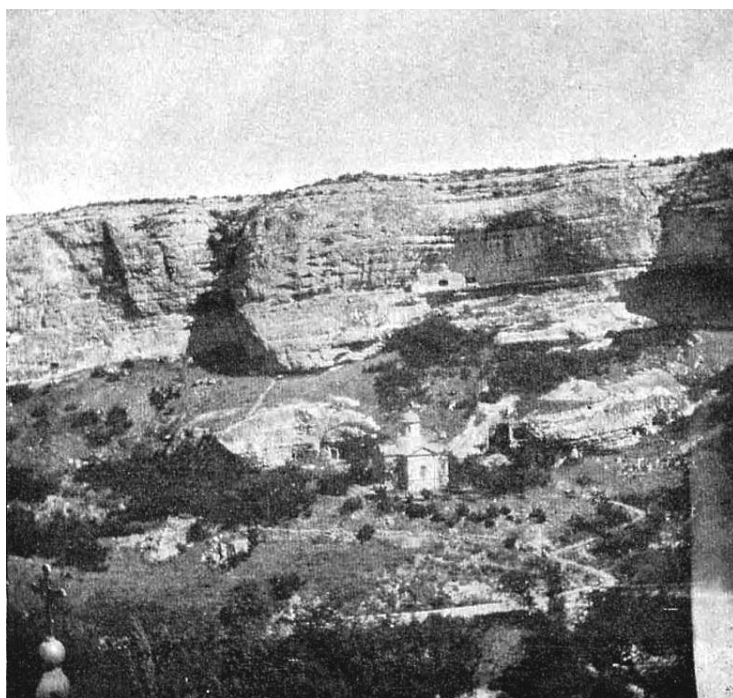

Рис. 10. Успенский монастырь близ Бахчисарая

Рис. 11. Чуфут-Кале. Восточная оборонительная стена и ворота Биук-Капу

Рис. 12. Чуфут-Кале. Большая караимская кенаса

*Рис. 13. Мангуп. Мыс Тешкли-Бурун.
Часть руинированной оборонительной стены цитадели. Донжон*

Рис. 14. Евпатория. Самуил Моисеевич Пампулов, караимский гахам

Рис. 15. Евпатория. В караимской кенасе

Рис. 16. Евпатория. Большая караимская кенаса

Рис. 17. Евпатория. Вид на море с набережной

*Рис. 18. Евпатория. Набережная с купальнями.
Вид на мечеть и православный собор*

*Рис. 19. Евпатория. Набережная с купальнями.
Вид на мечеть и православный собор*

Рис. 20. Евпатория. Танцы на татарской свадьбе

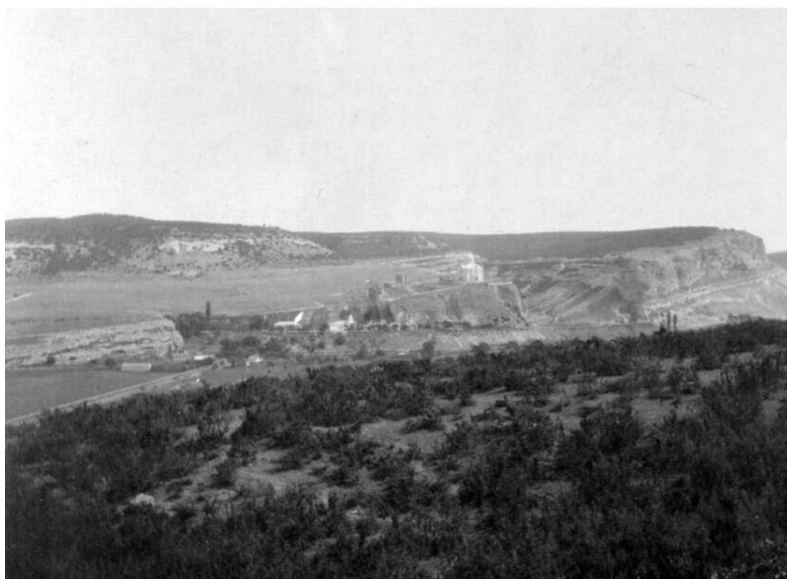

Рис. 21. Инкерман. Вдали остатки средневековой крепости Каламиты и монастырские постройки

Рис. 22. Балаклава. Вид из окна дома княгини Оболенской (урожд. Апраксиной) на восточный мыс (мыс Георгия) Балаклавской бухты

Рис. 23. Балаклава. Мыс Курона на западной стороне Балаклавской бухты

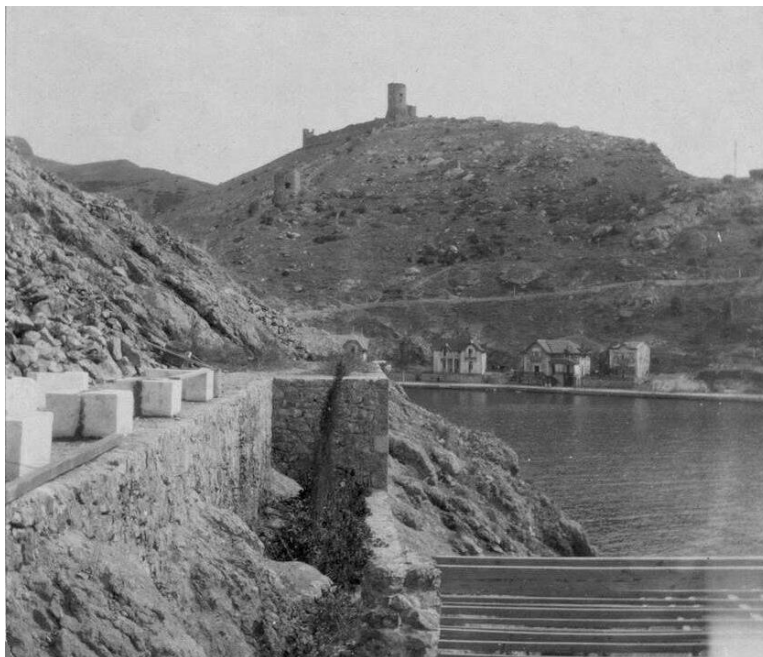

Рис. 24. Балаклава. На переднем плане – западная сторона бухты, на заднем плане – руины генуэзской крепости на горе Кастрон

Рис. 25. Балаклава. Вид на бухту со склона горы Кастрон (восточная сторона бухты). На переднем плане справа – дом семьи Михели

Рис. 26. Балаклава. Дом графини Апраксиной на западной стороне бухты (главный корпус имения «Прибой»)

Рис. 27. Херсонес. Карл Казимирович Косцюшко-Валюжинич, руководитель археологических раскопок, у входа в «Склад местный древностей»

Рис. 28. Херсонес. У входа в «Склад местных древностей»

Рис. 29. Херсонес. У входа в «Склад местных древностей»

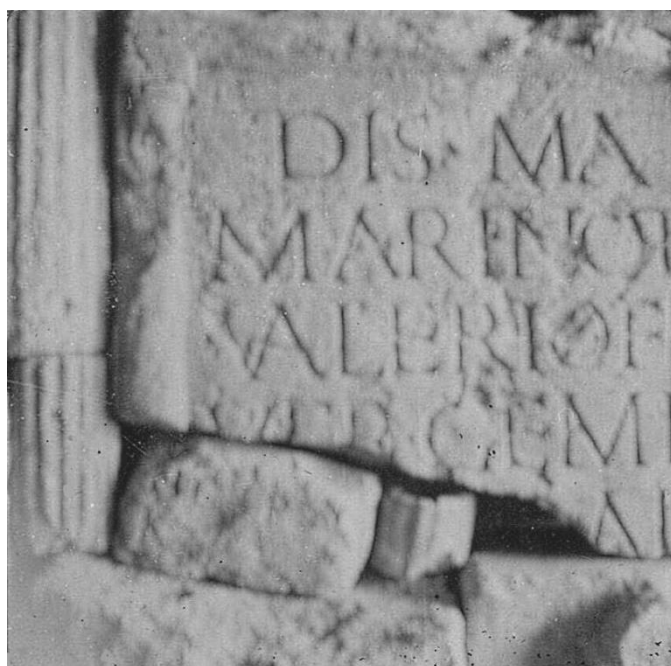
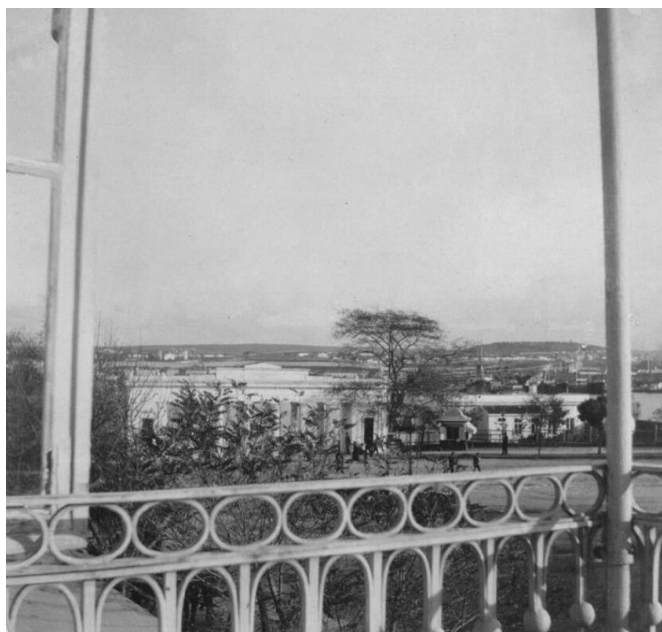

Рис. 30. Херсонес. Фрагмент надгробной плиты с латинской надписью из раскопок Карла Казимировича Косцюшко-Валюжинича

*Рис. 31. Херсонес. Катакомбы возле развалин христианской церкви
(позднеантичные склепы у Загородного крестообразного храма)*

*Рис. 32. Севастополь. Вид из окна номера гостиницы «Кист»
на Екатерининской площади*

Севастополь для французов – город особый, с ним связаны имена многих выходцев из Франции на российской службе, в то же время памятные события Крымской войны и печальная участь погибших на ней соотечественников. В Севастополе, пишет де Бай, «хранят память о добрых делах лучших сынов Франции», среди коих: адмирал, командующий российским Черноморским флотом, морской министр маркиз Жан Батист Прево де Сансак (Иван Иванович) де Траверсе (1754–1831); генерал-лейтенант, градоначальник Одессы, новороссийский генерал-губернатор герцог Арман Эммануэль дю Плесси де Ришелье (ДюкРишелье; 1766–1822); генерал от инфантерии, градоначальник Одессы, новороссийский генерал-губернатор Луи Александр д'Андре (Александр Федорович) Ланжерон (1783–1831). Но в связи с Крымской войной де Бай ни словом не обмолвился о своих соотечественниках – как будто он смотрел на события этой войны глазами русских, а свой рассказ о городе русской славы завершил словами Льва Николаевича Толстого о силе духа защитников Севастополя и их любви к Родине – чувстве, которое лежит «в глубине души каждого» русского. Де Бай любил Россию и преклонялся пред ее героями.

И в заключение. Книга Жозефа де Бая «В Крыму» – небольшая по объему (и она полностью опубликована нами в трех номерах «Ученых записок КФУ им. В. И. Вернадского»). В ней нет, как принято, введения (она начинается словами «Сначала мы посещаем столицу Тавриды – город Симферополь...»), описание полуострова и его исторических памятников довольно лаконичное, отсутствуют пространственные авторские рассуждения – что вообще-то характерно для сочинений путешественников. Это вызывает удивление, ведь де Бай был профессионалом, много видевшим и знавшим, кажется, что его восприятие новых, малознакомых мест должно было быть более глубоким. Да и посещал полуостров он не единожды, а в 1905 г. провел здесь три месяца – это немало. По-видимому, книга писалась быстро, под общим впечатлением, что-то не позволило автору сделать ее более подробной, информативной. Однако в ней есть такие детали, которые наверняка вызовут интерес у специалистов, работающих над темами по истории, этнографии и культуре Крыма. Ценны сделанные де Баем фотографии, дополняющие его книгу и наши знания о Крыме начала прошлого века. Кроме того, и книга, и фотографии дополняют тот образ ученого француза Жозефа де Бая, который уже сложился в науке, в том числе в нашей, отечественной.

ИЗ КНИГИ «В КРЫМУ» ЖОЗЕФА ДЕ БАЯ¹

/3/ ² Сначала мы посещаем столицу Тавриды – город **Симферополь**, где проживают 62 тысячи жителей. Здесь вице-губернатор граф Муравьев³ вручает нам сопроводительные документы, которые должны значительно облегчить тяготы нашего перемещения по Крыму. Итак, прежде всего поприветствуем прекрасный

¹ Baye de Joseph. EnCrimee. – Paris: Librairie Nilsson, 1906. – P. 3–19, 33–35. (Пер. с французского Г. И. Беднарчика).

² Цифры в скобках – номера страниц в оригинальном издании книги Ж. де Бая.

³ Граф Николай Леонидович Муравьев (1866–1940) – российский государственный деятель, таврический вице-губернатор в 1902–1907 гг.

памятник Екатерине Великой, которая присоединила к своей империи эту чудесную крымскую провинцию. У ног самодержцы установлены статуи двух государственных деятелей, внесших огромный вклад в дело освоения Крыма: князя Потемкина Таврического, внучатого племянника посла России во Франции при дворе Людовика XIV¹, и также князя Долгорукого-Крымского².

Именно 8 апреля 1783 года вышел указ Императрицы о вхождении Крыма в состав России³; 28 июля указ был вручен лично в руки генерал-губернатору Новороссии – князю Потемкину, а 28 декабря заключен договор, в соответствии с которым Турция уступала Крым России. Уже в первых числах нового 1784 года русский поэт Державин воспел это событие в своей оде:

«Летит – и воздух озаряет,
Как вешне утро тихий Понт!
/4/ Летит – и от его улыбки
Живая радость по лугам,
По рощам и полям лиется!
Златые Петрополя башни
Блистают как свечи, и ток
Шумливый, бурный ток Днепровский
В себе изображает живо
Прекрасное лицо его...
Который бог, который ангел,
Который человек друг,
Бескровным увенчал вас лавром,
Без брани вам трофеи дал
И торжество? Екатерина,
Та венценосна добродетель,
То воплощено божество,
Которое дождит блаженства...»⁴

¹ Речь идет о дворянине Петре Ивановиче Потемкине (1617–1700), государственном деятеле – придворном, воеводе, дипломате, доверенном лице царей Алексея Михайловича. В качестве посланника царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича бывал во Франции, где его принимал король Людовик XIV, а также в других европейских государствах.

² Памятник Екатерине II установлен в симферопольском городском саду в 1890 г. Скульптор – академик Императорской академии художеств Н. А. Лаврецкий. На памятнике, помимо императрицы, представлены фигуры ее главных помощников в деле присоединения Крыма к России: светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического (1739–1791), князя Василия Михайловича Долгорукова-Крымского (1722–1782), великого полководца Александра Васильевича Суворова (1730–1800), дипломата Якова Ивановича Булгакова (1743–1809). Памятник демонтировали в 1921 г. Восстановили в 2016 г. по сохранившимся описаниям, фотографиям, рисункам. Городской сад тогда же переименовали в Екатерининский.

³ «Манифест о принятии Крымского полуострова, острова Тамана и всяя Кубанской стороны под державу Российскую». 8 (19) апреля 1783 г.

⁴ Державин Г. Р. Ода «На приобретение Крыма». 1784 г.

Нужно ли напоминать тебе, дорогой читатель, об эпохе написания этого стихотворения и о нравах, царивших в XVIII веке?

Название города Симферополь, в котором проживает определенная часть татар, обозначает: город, вобравший в себя разные национальности. Ранее Симферополь назывался Ак-Мечеть (Белая Мечеть)¹. Когда-то здесь находилась резиденция главного управляющего при крымском хане². Эта особа, приближенная к властителю полуострова, носила титул Калга Султан. *Калга* – значит крепость, маленький городок; а *Султан* – начальник, администратор. Когда случались войны и хан покидал Крым, всем здесь заправлял *Калга Султан*.

Мы покидаем Симферополь и направляемся в **Бахчисарай**, что в переводе на французский означает: le Palais des Jardins (Дворец садов. – Г. Б.)³. Этот город вместе с двумя соседними поселениями образует своеобразную религиозную трилогию. И действительно, татарский город Бахчисарай с его мечетями и древним ханским дворцом представляет ислам; Успенский монастырь является символом христианства; а Чуфут-Кале, древний караимский городок, символизирует иудаизм.

/5/ Бахчисарай, насчитывающий 14675 жителей⁴, расположен в узкой, очень живописной долине. Его единственная улица, больше похожая на оживленный восточный базар, ведет к бывшему столичному ханскому дворцу.

Бахчисарайский дворец, древняя ханская резиденция, был построен в 1475 году крымским ханом Менгли Гиреем⁵. Это прекрасное сооружение неоднократно подвергалось пожарам и реконструкциям. В мае 1787 года здесь останавливалась на отдых Екатерина Вторая. Специально для императрицы были переделаны некоторые комнаты дворца⁶. То малое, что осталось от пышности ханской

¹ Ак-Мечеть (Ак-Месджит; кр.-тат. «белая мечеть») – в прошлом небольшой город, существовавший с конца XV – начала XVI в. В 1784 г. недалеко от Ак-Мечети основан Симферополь.

² Ак-Мечеть – центр каймаканства (округа), здесь находилась резиденция калги-султана – второго лица в Крымском ханстве после хана.

³ Прим. Ж. де Бая: «Бахчи – сад; сарай – дворец».

⁴ Прим. Ж. де Бая: «Население Бахчисарая составляют: магометане (татары) – 12500 человек; русские – 2500; евреи – 350; караимы – 275; католики – 30; армяне – 20».

⁵ Архитектурный комплекс Бахчисарайского дворца (Хан-Сарая) начал формироваться в 30-х гг. XVI в. при хане Сахиб Гирее I (1532/3–1551 гг.), младшем сыне хана Менгли Гирея I (1467, 1469–1475, 1478–1515 гг.) [16, с. 92, 95], и создавался на протяжении длительного времени. Над входом в главный дворцовый корпус сохранилась надпись, свидетельствующая о том, что его красивейший портал (Демир-Капу – «железная дверь») работы итальянского зодчего Алевиза Нового возведен в 909 г. (1503 г. н. э.) при Менгли Гирее I. (Вот почему де Бай говорит о постройке дворца при Менгли Гирее I.) По-видимому, портал был перенесен сюда из какой-то более старой постройки. Первоначально он мог находиться во дворце в Салачике (ныне исторический район г. Бахчисарая – Староселье) – столице Крымского ханства до того, как ею стал Бахчисарай. Ныне Бахчисарайский дворец – главный объект Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника.

⁶ Императрица прибыла в Бахчисарай 20 мая 1787 г. (по ст. ст.) и отбыла оттуда утром 22 мая; после посещения Севастополя вернулась в Бахчисарай 24 мая поздно вечером и

резиденции после многочисленных перемен, все же позволяет нам судить о ее былой чарующей восточной роскоши. Время и люди многое разрушили здесь, но мы полностью забываем обо всем этом в присутствии элегантного, грациозного, просто обворожительного архитектурного ансамбля, многие составляющие которого несут на себе печать некой таинственности, волнующей нашу душу. Историк или археолог могли бы провести в этом дворце всю свою жизнь, изучая элементы, относящиеся к ханскому периоду, а также те, что связаны с современностью. Впрочем, для решения такой задачи жизни одного ученого явно не хватило бы. При виде этого уникального и живописного архитектурного памятника, утопающего в зелени душистых деревьев, отчетливо понимаешь причину возникновения поэтического вдохновения у представителей литературной школы /6/ романтизма, посетивших это место. Позже я процитирую некоторые из их произведений.

Пройдя по мостику, перекинутому через овраг, мы попадаем во дворец, минуя широкие ворота, расположенные посередине длинного строения. В этом относительно современном здании находится гостиница для почетных гостей. По своей наивности я предполагал встретить здесь приятный комфорт дворцов Цинандали на Кавказе или Беловежья в Литве, но на самом деле обнаружил отсутствие некоторых элементарных удобств.

Итак, мы входим в обширный двор, украшенный зеленью деревьев и разного рода растений. Посередине двора, в соответствии с куцыми фантазиями какого-то чиновника, установлен странный бассейн с контурами Черного моря... Но не будем здесь никого критиковать. Сейчас мы стоим вблизи двух крепких, элегантных, похожих на минареты тополей. Судя по их виду, они ровесники: одно из этих деревьев посажено Екатериной Второй, а другое – князем Потемкиным. Слева высится мечеть и купола ханских мавзолеев, справа расположены различные строения дворца. Все это в определенной степени, особенно в лунную ночь, напоминает нам театральные декорации какой-то волшебной сказки. Дворец, без сомнения, и сегодня, несмотря на многочисленные реставрации и перестройки, полностью сохраняет свой восточный облик.

Среди по-настоящему древних архитектурных элементов дворца следует упомянуть небольшую дверь в искусно обработанном каменном обрамлении. Эта дверь датируется эпохой создателя дворца – хана Менгли Гирея. Данное произведение искусства XVI века /7/ изготовлено одним талантливым итальянским мастером¹. К несчастью, этот шедевр безжалостно покрашен каким-то неграмотным мазилой. И это – не единственное преступление безответственного пачкуна. В большом вестибюле с лестницей находятся два неоспоримых сокровища: красивейший мраморный Золотой фонтан², покрытый позолотой во

покинула его 26 мая утром, отправившись в Симферополь. К ее приезду Ханский дворец ремонтировали, украшали, перед входом во дворец водрузили одну из так называемых Екатерининских миль.

¹ См. прим. 5 на стр. 133.

² Прим. Ж. де Бая: «По-тат. Золотой Фонтан – *Алтун Чишме*».

времена Каплан Гирея, а сегодня размалеванный нашим горе-художником, и более знаменитый Фонтан слез¹, на котором начертаны следующие слова:

«Слава Всевышнему! Лицо Бахчисарая опять улыбнулось:
Милость великого Крым Гирея славно устроила.
Неусыпными стараниями он напоил водой окрестности,
И если будет на то воля Аллаха, сделает еще много добрых дел.
Он тонкостью ума нашел воду и устроил прекрасный фонтан.
Если кто хочет (проверить), пусть придет: мы сами видели
Дамаск и Багдад (и не встретили там ничего подобного)!».

Автором этого стихотворения является поэт по имени Шейхий. С той же жадностью, с какой уставший путник пьет воду, тонкой струйкой вытекающую из этого фонтана, мы впитываем следующие слова:

«Словно испытывая жажду, Шейхий читает хронограмму из уст сего фонтана:
“Приди, напейся воды чистейшей /8/ из источника исцеляющего!”
Год 1176 мусульманской эры» (1748 г. от Р. Х.)².

В торжественной, напыщенной форме, как и полагается восточному поэту, автор этих слов прославляет того, кто подарил городу этот живительный источник.

Но по-настоящему Фонтан слез обессмертил в своих стихах великий Пушкин:

«Фонтан любви, фонтан живой!
Принес я в дар тебе две розы.
Люблю немолчный говор твой
И поэтические слезы.

Твоя серебряная пыль
Меня кропит росой холодной:
Ах, лейся, лейся, ключ отрадный!
Журчи, журчи свою мне боль...

Фонтан любви, фонтан печальный!
И я твой мрамор вопрошал:
Хвалу стране прочел я дальной;
Но о Марии ты молчал...

¹ Прим. Ж. де Бая: «По-тат. Фонтан Слез – *Кюръяши Чишме*. (Копию этого фонтана можно увидеть в Эрмитаже Петербурга.)».

² Буквы означают 1176 г. хиджры – это 1763/4 г. н. э. (год сооружения Фонтана слез), а не год, указанный Ж. де Баєм. По поводу хронограммы в последней строке надписи, зашифрованной буквами арабского алфавита, см.: [1. См. также: 3, с. 492–495; 6].

Светило бледное гарема!
И здесь ужель забвенно ты?
Или Мария и Зарема
Одни счастливые мечты?

Иль только сон воображенья
В пустынной мгле нарисовал
Свои минутные виденья,
Души неясный идеал?»¹

К сожалению, сегодня у этого фонтана кончились слезы. Необходимо срочно /9/ подключить его к источнику воды и вернуть людям таинственную музыку его мелодичных капель!

Как я уже говорил, некоторые комнаты дворца были переделаны специально к приезду в Бахчисарай императрицы Екатерины. Чувствуется желание превратить дворец в музей, однако пока здесь все находится в запустении².

Как только мы вновь оказываемся снаружи, пышная зелень и яркие, веселые лучи солнца рассеивают наше меланхоличное настроение, связанное с посещением внутренних покоев дворца. Сначала мы оказываемся в Посольском двореке, а затем в другом месте, окруженном беседкой, увитой виноградной лозой. Здесь находится мраморный бассейн, в котором некогда купались наложницы ханского гарема. Сейчас в нем нет воды, и он похож на зеркало, лишенное своей амальгамы. Далее нашим гидом станет Александр Пушкин, сумевший гениально передать ощущения человека, впервые посетившего этот удивительный дворец:

«...Я посетил Бахчисарая
В забвенье дремлющий дворец.
Среди безмолвных переходов
Бродил я там, где бич народов,
Татарин буйный пировал
И после ужасов набега
В роскошной лени утопал.

Еще поныне дышит нега
В пустых покоях и садах;
Играют воды, рдеют розы,
И вьются виноградны лозы,
И злато блещет на стенах.

Я видел ветхие решетки
За коими, в своей весне,

¹ Пушкин А. С. Фонтану Бахчисарайского дворца. 1824 г.

² О Бахчисарайском музее как о первом собственном музее на юге России см.: [8, с. 13–16].

Янтарны разбирая четки,
Вздыхали жены в тишине...»¹

Мы покидаем дворец с его садами, пересекаем главный двор и оказываемся рядом с ханской мечетью. Благодаря надписи на ее стене узнаем имя основателя мечети: «Хаджи Селим хан (да помилует Аллах сего праведного мужа) /10/ был лучшим из ханов. Сколько ни расцвело роз в родном его цветнике, все они, в свою очередь, украшали владетельный дом. Когда новая роза этого цветника Селямет Гирей сделался крымским ханом, тогда по милости Аллаха пришла на ум следующая хронограмма: “Селямет Гирей построил эту великолепную мечеть”. Год 1153» (1740 г. от Р. Х.)².

Рядом с мечетью находятся могилы крымских ханов³. В двух мавзолеях, покрытых куполами, можно увидеть несколько саркофагов татарских ханов и членов их семей. В третьем, ажурном мавзолее похоронена любимая жена Крым Гирей хана – Диляра (по легенде – Мария Потоцкая)⁴. А вокруг этих мавзолеев повсюду в живописном беспорядке разбросаны утопающие в диких травах многочисленные надгробия. Особо выделяется украшенное удивительным восточным орнаментом надгробие предпоследнего хана Крым Гирея (умер в 1769 году?) работы итальянского мастера⁵. Надпись на арабском языке повествует нам о том, что «война была ремеслом знаменитого Крым Гирей хана, а глаза голубого неба никогда не видали ему равного. Он покинул свой дворец, чтобы насладиться вечным покоем». Эту эпитафию сочинил поэт по имени Эдип. Именно Крым Гирею

¹ Пушкин А. С. Отрывок из поэмы «Бахчисарайский фонтан». 1821–1823 гг.

² Большая Ханская мечеть (Биук Хан-Джами) возведена в 1532 г. Сахиб Гиреем I, основателем Бахчисарая. Она очень сильно пострадала во время пожара 1736 г. Надписи на стенах мечети свидетельствуют о том, что в 1740 г. ее восстановил (если не возродил из пепла) Селямет Гирей II (1740–1743 гг.), а в 1763 г. отремонтировал Крым Гирей (1758–1764, 1768–1769 гг.), живописные работы при этом выполнил придворный мастер Омер [см., например: 3, с. 497–498; 7].

³ На ханском кладбище – могилы девяти крымских ханов, членов ханских семей и представителей высшей дворцовой знати. Здесь также находятся два мавзолея-дюрбе (Девлет Гирей I и Ислям Гирей III) и ротонда с погребением Менгли Гирей II.

⁴ Усыпальница (дюрбе) Диляры-бикеч возведена в 1764 г. в саду Бахчисарайского дворца. Это восьмигранный мавзолей, каждая грань которого украшена двойным рядом арок; на куполе – полумесяц. Внутри усыпальницы – надпись: «Молитва за упокой усопшей Диляры-бикеч». Происхождение Диляры нам неизвестно (бикеч – высокопоставленная придворная распорядительница). По легенде, которую А. С. Пушкин услышал от Софьи Киселевой (урожд. Потоцкая) и Раевских (с ними он путешествовал по Крыму в 1820 г.), Дилярой-бикеч звали похищенную татарами полячку Марию Потоцкую, оказавшуюся в ханском гареме и ставшую любимой женой хана Крым Гирея; ее из ревности убила одна из ханских жен – Зарема. Эта легенда легла в основу сюжета поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан»; представлена она и в цикле «Крымские сонеты» польского поэта Адама Мицкевича, посетившего Крым в 1825 г.

⁵ См. прим. 2. Крым Гирей умер в 1769 г. Он не был предпоследним ханом, после него правили: Селим Гирей III, Максуд Гирей, Девлет Гирей IV, Каплан Гирей II, Сахиб Гирей II, Бахадыр Гирей II, Шахин Гирей.

приписывают пленение Марии Потоцкой, легенду о которой в поэтической форме поведал нам Пушкин. Мицкевичу также пришлась по душе эта романтическая история. /11/ Вот что он пишет:

«В стране прекрасных дней, меж пышными садами,
О роза нежная! Тебя давно уж нет!
Минуты прежние! Златыми мотыльками
Умчались; память их точила юный цвет.
Что ж Север так горит над Польшею любимой,
Зачем небесный свод так блещет там в звездах?
Иль взор твой пламенный, стремясь к стране родимой,
Огнистую стезю прожег на небесах?
О полька! Я умру, как ты, – один, унылый;
Да бросит горсть земли мне милая рука!
В беседах над твоей приманчивой могилой
Меня пробудит звук родного языка.
И вещей будет петь красу твою младую,
И как ты отцвела в далекой стороне;
Увидит близ твоей могилу здесь чужую,
И в песне, может быть, помянет обо мне!»¹

Перед тем как покинуть Бахчисарай, мы сделали ряд снимков, изображающих крымских татар на фоне их жилищ, а также встретились с известнейшим татарским просветителем, человеком, владеющим французским языком, – Исмаилом-бей Гаспринским. С помощью своей газеты, издаваемой на русском и татарском языках, он пропагандирует и популяризирует татарскую культуру².

Рядом с Бахчисараем, там, где, сближаясь друг с другом, высокие скалы превращают долину в узкое ущелье, /12/ расположен **Успенский монастырь** с очень древней церковью, вырубленной в скале³. Отсутствие какого-либо архитектурного признака не позволяет нам определить точную дату появления

¹ Мицкевич А. Крымские сонеты. Гробница Потоцкой. 1827 г. (Пер. с польск. И. И. Козлова).

² Исмаил-бей Мустафа-оглу Гаспринский (1851–1914) – уроженец Крыма, выдающийся крымскотатарский просветитель, политик, писатель, издатель, член Таврической ученой архивной комиссии. В 1883–1918 гг. издавал первую русско-татарскую газету «Переводчик-Терджиман».

³ Успенский монастырь находится в балке Майрам-Дере. Единого мнения о времени основания этой обители в науке пока нет. Можно согласиться с теми исследователями, которые полагают, что она появилась в первой половине – середине XIII в. в Кырк-Оре (Чуфут-Кале), а в середине – второй половине XV в. ее перенесли на противоположный от Чуфут-Кале склон балки Марьям-Дере. Вырубленная в скале церковь Успения Божией Матери – самое древнее здесь сооружение. Монастырь опустел после переселения крымских христиан в Северное Приазовье в 1778 г. В 1850 г. по инициативе архиепископа Иннокентия (Борисова) здесь был открыт Успенский скит; он просуществовал до 1922 г., когда был закрыт. Обитель возродилась в 1993 г.

данной церкви. Когда-то, еще до прихода татар, здесь находилась греческая деревня Мариамполь¹. Она продолжила свое существование и во времена Крымского ханства. Однако Екатерина Вторая переселила греческое население деревни на берега Азовского моря. Там эти люди основали город Мариуполь. Я был в этом городе и видел потомков крымских греков, а также греко-византийские иконы Успенского монастыря, вывезенные из Крыма жителями Мариамполя. Легенда говорит о том, что грот, в котором разместилась церковь, ранее служил логовом страшному дракону, пожиравшему людей. К сожалению, у меня здесь нет возможности более подробно рассказать об этом монастыре.

С вершины самой высокой горы, возвышающейся над ущельем и над его окрестностями, открывается очень живописная панорама. Отсюда мы можем любоваться видом на Успенский монастырь с его церковью и гротами, вырубленными на склоне крутого горного спуска; далее мы замечаем город Бахчисарай с его многочисленными минаретами; затем сплошной линией тянутся скалистые горы; и наконец на горизонте появляется море, отражающее яркую голубизну неба. На южном склоне горы находится бесчисленное количество гротов, где могли обитать люди, по поводу которых история пока молчит. Это место очень удобно для организации обороны поселения. Плато, расположенное на вершине данной горы, /13/ в высшей степени труднодоступно благодаря глубоким ущельям, расположенным с трех его сторон, а также крепостной стене, защищающей городище с востока. Здесь очень хорошо поработали и природа, и человек.

Татарское название поселения **Чуфут-Кале** является искажением *Йугуд-Кале*, что означает «Еврейская крепость». Караимы называют свой пещерный город Кырк-Йер. Это – колыбель их культуры².

¹ Греческое поселение в балке Марьям-Дере существовало с раннего средневековья и было оставлено жителями в 1778 г. в связи с переселением греков-христиан в Приазовье. Руины Мариамполя сохранились на склонах балки Марьям-Дере; здесь проводились археологические исследования.

² Чуфут-Кале, «пещерный город» на окраине Бахчисарая, находится на мысовом плато. Крепость возникла здесь, по-видимому, в VI в. и принадлежала гото-аланам, федератам Византии. Татары захватили ее в середине XIV в. и назвали Кырк-Ор (Кырк-Ер, Кырк-Йер. Этот топоним переводят по-разному: «сорок замков (укреплений, домов)», «замок сорока», «сорок мужей», «сорок братьев», «крепость», «огражденное место»). В середине XV в. крепость становится резиденцией первых крымских ханов и таковой остается до начала XVI в. (когда столицу Крымского ханства переносят в Салачик, затем – в Бахчисарай). В те времена здесь жили представители разных народов и конфессий. Караимы появились в Кырк-Оре в середине XIV в. В конце XVI – начале XVII в. татары начинают покидать Кырк-Ор, в нем остаются караимы и немного армян, с середины XVII в. – только караимы. С этого времени город называется Чуфут-Кале («иудейская крепость»). В конце XVIII в. в нем насчитывалось ок. 1200 человек, но уже тогда жители Чуфут-Кале начали переселяться в другие места на полуострове. К середине XIX в. город почти опустел, а к началу XX в. стал необитаемым. Ныне на территории городища сохранились крепостные сооружения, колодцы, остатки жилых домов, искусственные пещеры, две караимских кенасы (синагоги), мечеть, мавзолей Ненекеджан-ханым.

Караимы исповедуют иудаизм, однако полностью отвергают Талмуд. Кем же были караимы с этнической точки зрения? Несмотря на тщательное изучение данного вопроса, я так и не смог найти на него ответ...

Чуфут-Кале – вымерший город. Жители покинули его совсем недавно и рассеялись по всей территории Крыма. По обеим сторонам единственной улицы Чуфут-Кале мы видим остатки жилых домов. Вначале и в конце улицы внутри городских крепостных стен расположены городские ворота. Посреди развалин высится современный дом, построенный девять лет назад на средства, собранные караимами всей России. Именно в этом доме 19 сентября 1902 года состоялась встреча императора Николая Второго с представителями караимов России¹. Сегодня здесь можно увидеть фотографию, снятую Императрицей, на которой запечатлен Император вместе с гахамом, главным караимским священником².

Сейчас в Чуфут-Кале проживают двое /14/ сторожей и газан (равин) по имени Бераха Каракоз³. Этот человек очень тепло принял нас и показал нам главные достопримечательности Чуфут-Кале. Прежде всего мы осмотрели кенасу (синоним слова синагога) – строение, считающееся самым древним караимским храмом⁴. Затем посетили мавзолей Ненкеджан, дочери хана Тохтамышша. Мавзолей покрыт куполом, а внутри него находится изящный мраморный саркофаг с надписью на арабском языке⁵. Присутствие здесь гробницы дочери хана Тохтамышша породило множество легенд. Некоторые из них рассказывают о том, что татарская княжна прибыла сюда для того, чтобы, вдыхая чистый горный воздух, бороться с тяжелой болезнью. Другие утверждают, что она, чувствуя какую-то смертельную опасность, нависшую над ней, укрылась за стенами Чуфут-Кале. Третьи считают, что в этой

¹ 19 сентября 1902 г. император Николай II и императрица Александра Федоровна после посещения Бахчисарая направились на Чуфут-Кале, где посетили Дом караимских обществ (дом для почетных гостей), построенный в 90-х гг. XIX в. (он находился рядом с усадьбой А. С. Фирковича; до нашего времени не сохранился). Царская чета была встречена «гахамом <С. М.> Пампуловым, посетили синагогу, после чего Их Величества приняли завтрак от караимского общества» [цит. источник по: 11, с. 285].

² Самуил Моисеевич Панпулов (Пампулов; 1831–1911) – караимский общественный деятель, благотворитель, городской голова Евпатории в 1868–1879 гг., Таврический и Одесский караимский гахам в 1879–1911 гг.

³ В начале XX в. на Чуфут-Кале проживало только два караима, а Бераха Каракоз в это время являлся исполняющим обязанности газана в Армянском Базаре и Перекопе, но на Чуфут-Кале, конечно, мог бывать.

⁴ Кенасы (кенассы) – караимские молельные дома – находятся на вершине скалы, во дворе, окруженном каменным забором. Это два прямоугольных в плане каменных здания с двускатной черепичной крышей. Постройку большой кенасы устная традиция относит к XIV в. (но исследователи отмечают в ней черты архитектуры XVII в.), малая кенаса появилась в конце XVIII в.

⁵ Ненкеджан-ханым (Джанике-ханым), дочь золотоордынского хана Тохтамышша, жена Едигея, умерла в 1437 г. Ее похоронили в мавзолее (дюрбе) в Кырк-Оре, на родине ее матери и, по-видимому, родине самой Ненкеджан-ханым. Надпись на надгробии: «Это гробница знаменитой государыни Ненкеджан-ханым, дочери Тохтамыш-хана, скончавшейся месяца рамазана 841 года» (1437 г. н. э.). Возможно, гробница построена позже: судя по архитектурным деталям – в начале XVI в.

крепости вместе со своим любовником она пряталась от гнева отца. Далее нам показали вырубленные глубоко в скале тюремные камеры. Там я видел кольца, к которым приковывали пленников, комнаты, где их пытали, обезглавливали, и, наконец, отверстие над пропастью, куда сбрасывали тела жертв. В этих тюремных камерах даже летом ощущается высокая влажность. А когда оттуда поднимаешься на поверхность, сразу же попадаешь под палящие лучи солнца.

Мы проходим через крепостные ворота и оказываемся в Иосафатовой долине, огромном некрополе, где на протяжении веков караимы хоронили своих сородичей¹. Самые древние могилы расположены под сенью вековых дубов, а рядом с ними находятся более поздние захоронения. Весь этот некрополь свидетельствует не только о богатстве караимов, разбросанных по всей России, но и об их непоколебимом желании, /15/ несмотря ни на что, быть похороненными исключительно в Иосафатовой долине, у подножия горы, на которой находятся руины их города-колыбели.

Из Бахчисарая я направился в татарскую деревеньку Королез, чтобы оттуда совершить восхождение на отдельно стоящую гору **Мангуп**, которая, как остров, высится над окружающими ее скалами. У подножия Мангупа раскинулась долина, левую часть которой орошает река Бельбек вместе с притоками, а правую – речка Черная. Высота горы Мангуп над уровнем моря достигает 210 саженей². Расстояние от ее подножия до вершины – 130 саженей³. Круглое труднодоступное плато венчает вершину горы⁴. Там можно увидеть развалины крепости Мангуп-Кале⁵.

¹ Караимское кладбище «Иосафатова долина» находится в верховьях балки Марьям-Дере. На нем выявлено около семи тысяч надгробий разных форм с высеченными на них религиозными текстами, формулами и символами. Преобладают эпитафии на древнееврейском языке, некоторое количество – на караимском; есть двуязычные – на иврите и русском (надписи конца XIX – начала XX в.). Самая ранняя эпитафия датируется 1364 г.; последнее захоронение относится к середине XX в. Основная масса надгробных надписей – к XVII–XIX вв.

² 1 сажень = 2,1336 м. Жозеф де Бай занизил высоту горы Мангуп. В действительности ее высота над у. м. – 583 м.

³ В среднем так и есть. Высота горы над окрестными долинами – 250–300 м.

⁴ Площадь плато – 90 га.

⁵ Крепость на горе Мангуп возвели византийцы при императоре Юстиниане I в 50–60-х гг. VI в. н. э. Обитали в этих местах пришедшие в Крым готы и аланы, они смешивались между собой и с местными жителями, среди которых было немало греков. В середине – второй половине XIV в. возникает княжество Феодоро (Мангупское) со столицей Мангуп-Феодоро (город и княжество одноименны). Его население смешанное, в основном христианское. Расцвет княжества приходится на XV в. Оно распространило свою власть на довольно обширные территории, его границы достигают морского побережья.

На Мангупе возводится архитектурный ансамбль, включающий три линии оборонительных сооружений. Главная линия перегораживала балки, по которым можно было попасть на плато. Вторая линия отделяла два мыса на плато от городских построек. На мысе Тешкли-Бурун располагалась цитадель (площадь – 1,2 га, толщина стен – 2,8 м) – третья линия, последнее укрытие в случае прорыва врагами главной и второй линий обороны. Цитадель – это и резиденция мангупского князя. Здесь возвышалась трехэтажная главная башня (донжон; высота – более 8 м). В центральной части плато находился

Когда-то этот неприступный город был окружен крепостными стенами. Сегодня лучше всего сохранилась широкая дверь довольно высокого здания, по обеим сторонам которой, без всякого сомнения, расположены оконные проемы. Один из проемов украшен лепными узорами. Очень трудно датировать время постройки этого сооружения. Некоторые исследователи полагают, что перед нами – развалины ханского дворца¹.

Еще совсем недавно на Мангуп-Кале можно было увидеть остатки христианской церкви, татарской мечети и караимской кенасы. Но здесь жили не только христиане, татары и караимы. В течение долгого времени Мангуп-Кале являлся прибежищем для готов Южного берега Крыма. Как утверждает путешественник Броневский², вплоть до XV века³ Мангуп принадлежал готам и их князьям.

Сейчас на месте древнего городища раскинулась пустошь. /16/ И, судя по большому количеству могил, спрятавшихся в тени лесов, отделяющих Мангуп от деревни Королез, мы можем говорить о довольно крупных размерах древнего города⁴.

Кстати, будучи в деревне **Королез**⁵, я часто встречал там белокурых, голубоглазых татар со светлым оттенком цвета кожи и задавался вопросом: а не являются ли эти татары, так сильно отличающиеся от своих степных собратьев, последними представителями крымских готов? На средневековых географических картах начиная с 527 года нашей эры, даты прихода к власти императора Юстиниана, и кончая XI веком полуостров Крым обозначен словом Готия. Такое

княжеский дворец. К нему примыкала башня с вмонтированной каменной плитой, надпись на ней сообщает, что дворец и башня построены при князе Алексее. Надпись датируется 1425 г., временем правления Алексея I. Есть здесь и культовые постройки: большая трехнефная базилика, храм в цитадели, церковь Богородицы и несколько других. Славится Мангуп и своими пещерными сооружениями; преобладают монастырские комплексы с церквями. Были здесь также культовые здания иудейские, мусульманские. Большой урон мангупским постройкам нанесло вторжение турок-османов в 1475 г. Мангуп превратился в турецкую крепость. К середине XVII в. его покидают христиане, в 70-х гг. XVIII в. – турки, в начале 90-х гг. XVIII в. – караимы. На протяжении XX – начала XXI в. на Мангупе ведутся систематические археологические исследования.

¹ Это часть оборонительной стены цитадели.

² Мартин Броневский посетил Крым в 70-х гг. XVI в. в качестве посла польского короля и написал книгу «Описание Крыма», в которой ничего не говорится о готах, а мангупские князья называются греками [4, с. 344; 5, с. 168]. Скорее всего, де Бай случайно назвал Броневского вместо другого поляка – краковского каноника Матфея (Мацея) Меховского, чей трактат «О двух Сарматиях, Азиатской и Европейской, и о находящемся в них» был опубликован в Кракове в 1517 г. на латинском языке (и неоднократно переиздавался). Меховский как раз и говорил о готском происхождении мангупских князей [10, с. 71–72, 88, 91. См. также: 12, с. 92–94].

³ То есть до турецкого завоевания Крыма.

⁴ Это караимское кладбище с большим количеством надгробий (более тысячи), разбросанных среди деревьев и кустарников в балке Табана-Дере.

⁵ Юхары-Каралез; ныне с. Залесное (*Бахч.*), ближайшее к Мангупу.

долгое присутствие этого народа на земле, подверженной постоянным разрушительным нашествиям, стало предметом моих археологических изысканий. Результаты этих поисков нашли подтверждение в ходе моих этнографических исследований, проведенных в Крыму. Окончательно татары покорили Крым в 1475 году в результате осады и взятия Мангуп-Кале. После этого события мы больше не находим ни одного упоминания о пребывании на Крымском полуострове готов и генуэзцев, но очень может быть, что татары Южного бережья на самом деле являются потомками готов, греков и генуэзцев, принявших ислам.

А теперь мы направляемся в **Евпаторию**, где проживают степные татары, которые, в отличие от своих горных и южноречных сородичей, имеют ярко выраженные монгольские черты лица. В Евпатории насчитывается 18000 жителей. Среди них – 8000 православных, 5500 татар-мусульман, 3000 караимов и 1500 евреев. /17/ Татарское название этого города – Гезлев – означает «Источник воды».

В Евпатории находится резиденция караимского гахама Самуила Моисеевича Пампулова¹. Вместе с господином Ильей Казасом² он оказывает нам исключительно сердечный прием. Илья Казас – известнейший караимский ученый, руководящий единственной в своем роде духовной караимской школой, где учащиеся изучают русский и древнееврейский языки, теологию, всемирную историю, историю России, географию и математику. Господин Казас перевел на древнееврейский язык для своих учеников Ламартина, Гейне, Шиллера, Гете и других известных писателей. Также он является автором перевода книги «Мораль» Поля Жане и трактата «Естественная религия» Жюль Симона. Сейчас господин Казас работает над переводом научного труда аббата Вигуру «Библия и современные открытия». Кроме всего этого, он еще сочиняет стихи. Между прочим, я полностью согласен с господином Казасом, полагающим, что караимы не являются чисто семитским племенем. На определенном этапе своей истории предки караимов смешались с хазарами...

Но оставим в стороне вопросы этнографии и выделим время для посещения самого города Евпатории. Городской базар вместе с его древними воротами сохранил свой облик времен ханского владычества³. Для мужчин здесь изготавливают шапки из бараньей шкуры, украшенные золотой вышивкой, а для женщин всегда имеется большой выбор бархатных шапочек с золотистыми блестками. /18/ Также на евпаторийском базаре производят обувь самых ярких цветов, украшенную разнообразными узорами, и войлочные ковры, которые можно встретить в каждом татарском доме.

¹ См. прим. 38.

² Илья Ильич Казас (1832–1912) – уроженец Крыма, выдающийся караимский просветитель, ученый, автор многих трудов, педагог, поэт, переводчик, редактор.

³ Эти ворота относятся к крепости в Евпатории (средневекового Гезлева), строительство которой связано с появлением в Крыму турок (1475 г.) и пришлось на конец XV–XVI в. В крепости было пять ворот, в том числе Одун-базар капуси – «ворота Деревянного базара», о которых пишет де Бай. В 1959 г. эти ворота были снесены; в 2004 г. их восстановили.

Когда ты прогуливаешься по татарскому кварталу Евпатории, тебе сразу же бросается в глаза то, что всегда характеризует место обитания степных татар. По обеим сторонам улицы, где прохаживаются женщины в чадрах, тянутся высокие каменные стены, за которыми скрываются дома, расположенные во внутренних двориках. На улицу выходит только одно отверстие, служащее входной дверью. Обычно жилая татарская постройка выполнена из глины. В ней всегда царят идеальная чистота и прохлада. Дом, в котором проживает татарская семья, недоступен для посещения иностранцами; впрочем, мне все-таки удалось побывать в одном из таких типично татарских домов, сын хозяина которого в это время проходил религиозное обучение в Константинополе. Зажиточные татары на территории своего двора обычно строят еще один дополнительный домик для гостей. Его называют *конак* или *селямлик*, то есть место, где обмениваются приветствиями.

Однажды я был свидетелем одного из этапов татарской свадьбы. В то время как невеста, находясь в своей комнате, окруженная подругами, оплакивала, следуя обычаю, свою судьбу, все другие гости устроили рядом с ее домом веселые, зажигательные танцы под аккомпанемент мусульманского цыганского оркестра. Девушки и юноши танцевали раздельно. В этот самый момент, согласно древнему обычаю, и состоялась церемония бракосочетания по доверенности.

Евпаторийская мечеть, без сомнения, – самая большая во всем Крыму. К сожалению, ее минареты не сохранились до наших дней. Эта мечеть построена в 1550 году по чертежам храма Святой Софии в Константинополе. Поэтому она и напоминает христианский собор¹.

/19/ Мы покидаем равнинную часть Крыма и в экипаже из Евпатории через Бахчисарай направляемся в Ялту...

/33/ Именно в Крыму начинается история России. В **Херсонесе**, близ Севастополя, Владимир принял наследство Византии. В чем же выражалось это наследство? /34/ В вере, которую представляли греческие иконы, и в любви, которую олицетворяла византийская принцесса. Крещение и женитьба Владимира положили начало истории России. Сикамбр Кловис и варяг Владимир были очень горды собой². Они сожгли все то, что когда-то боготворили, и воспылали любовью ко всему тому, что когда-то сами сжигали³. Херсонес, захваченный у Византии

¹ Соборная мечеть Джума-Джами (Хан-Джами, Пятничная) возведена при хане Девлет Гирее I в 50–60-х гг. XVI в. по проекту знаменитого турецкого зодчего – грека Ходжи Синана (а не была перестроена из христианского храма – мысль, которую Ж. де Бай почерпнул из литературы XIX в.; это утверждение отвергнуто наукой). Во время реставрации мечети было восстановлено два ее минарета.

² Сикамбры (сигамбры) – древнегерманское племя, обитавшее на Рейне, со временем смешавшееся с франками. Король франков Хлодвиг I (Кловис; годы правления – 481–511) происходил из сикамбров. «Варяг Владимир» – киевский князь Владимир Святославич (годы правления – 978–1015).

³ В бытность язычниками Хлодвиг I (Кловис), основатель Франкского государства, и киевский князь Владимир отличались воинственностью, жестокостью, мстительностью, вероломством, в том числе по отношению к христианам. От Хлодвига особенно пострадала римская Галлия, ее города и церкви. Ситуация изменилась с крещением Хлодвига и его

вождем язычников, был возвращен ей этим же самым человеком, только теперь уже христианином. Настояв на крещении именно в захваченном им городе, князь Владимир хотел принять византийское наследство исключительно в качестве триумфатора. При этом он великодушно вернул греческому городу его независимость, в результате чего ни хазары, ни печенеги не причинили Херсонесу никакого вреда. Вплоть до колонизации Крыма генуэзцами Херсонес оставался единственным греческим городом на полуострове. Затем наступил период его упадка.

Посетив **Инкерман** и **Балаклаву**, расположенные недалеко от Херсонеса, я закончил свое трехмесячное путешествие в Севастополе¹.

Начиная с 1800 года **Севастополь** постоянно укреплялся. В 1808 году российским Черноморским флотом командовал французский адмирал де Траверсе. В Севастополе, как и в других местах Крыма, хранят память о добрых делах лучших сынов Франции. Император Александр говорил: «Я должен быть благодарен Французской революции за то, что она дала России таких трех великих людей как Ришелье, Траверсе и Ланжерон». И мне очень хочется напомнить моим многострадальным крымским друзьям слова Толстого о силе духа защитников Севастополя, сказанные писателем в 1855 году: /35/ «Вы понимаете, что чувство, которое заставляет работать их, не есть чувство мелочности, тщеславия, забывчивости..., но какое-нибудь другое чувство, более властное... редко проявляющееся, стыдливое в русском, но лежащее в глубине души каждого, – любовь к родине»².

Список использованных источников и литературы

1. Абдульваап Н. Поэтическая загадка «Фонтана слез» / Н. Абдульваап // Qasevet: историко-этнографический журнал. – 2007. – № 32. – С. 48–49.
- Abdul'vaap N. Poyeticheskaja zagadka «Fontana slyoz» / N. Abdul'vaap // Qasevet: istoriko-yetnograficheskii zhurnal. – 2007. – № 32. – S. 48–49.
2. Бертъе-Делагард А. Л. По поводу раскопок в Херсонесе (Приложение к Протоколу 348 заседания Имп. Одесского общества истории и древностей 30 января 1903 г.) / А. Л. Бертъе-Делагард // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1906. – Т. 26. – С. 3–8.
- Bert'e-Delagard A. L. Po povodu raskopok v Hersonese (Prilozhenie k Protokolu 348 zasedaniya Imp. Odesskogo obshestva istorii i drevnostei 30 janvarja 1903 g.) / A. L. Bert'e-Delagard // Zapiski Odesskogo obshestva istorii i drevnostei. – Odessa, 1906. – Т. 26. – С. 3–8.
3. Борзенко А. А. Бахчисарайские арабские и турецкие надписи / А. А. Борзенко // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1850. – Т. 2. – С. 489–528.

воинства в 496 г., Владимира и его дружины в Херсонесе-Херсоне – в 988 г. С крещением Хлодвиги связана ставшая крылатой фраза: «поклониться тому, что сжигал, сжечь то, чему поклонялся», то есть принять христианские святыни и отказаться от языческих идолов.

¹Прим. Ж. де Бая: «Моим компаньоном во время путешествия был господин Лев Ильин».

² Толстой Л. Н. Севастопольские рассказы. 1855 г.

- Borzenko A. A. Bahchisaraiskie arabskie it ureckie nadpisi / A. A. Borzenko // Zapiski Odesskogo obshestva istorii i drevnostei. – Odessa, 1850. – Т. 2. – С. 489–528.
4. Броневский М. Описание Крыма / М. Броневский // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1867. – Т. 6. – С. 333–367.
- Bronevskii M. Opisanie Kryma / M. Bronevskii // Zapiski Odesskogo obshestva istorii i drevnostei. – Odessa, 1867. – Т. 6. – С. 333–367.
5. Броневский М. Описание Крыма / М. Броневский // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2005. – № 10. – С. 156–200.
- Bronevskii M. Opisanie Kryma / M. Bronevskii // Istoricheskoe nasledie Kryma. – Simferopol', 2005. – № 10. – С. 156–200.
6. Гайворонский О. Легенды Бахчисарайского фонтана. Ч. 3. Сельсебиль («Фонтан слез»). – Режим доступа: <https://avdet.org/ru/2015/08/18/legendy-bahchisarajskogo-fontana-chast-iii-selsebil-fontan-slez/>.
- Gaivoronskii O. Legendy Bahchisaraiskogo fontana. Ch. 3. Sel'sebil' («Fontan slyoz»). – Rezhim dostupa: <https://avdet.org/ru/2015/08/18/legendy-bahchisarajskogo-fontana-chast-iii-selsebil-fontan-slez/>
7. Гайворонский О. Хансарай. Ч. 1. Большая Ханская мечеть. – Режим доступа: <https://avdet.org/ru/2016/01/07/hansaraj-chast-1-bolshaya-hanskaya-mechet/>.
- Gaivoronskii O. Hansarai. Ch. 1. Bol'shaja Hanskaja mechet'. – Rezhim dostupa: <https://avdet.org/ru/2016/01/07/hansaraj-chast-1-bolshaya-hanskaya-mechet/>
8. Даниленко В. Н. О первом музее на юге России / В. Н. Даниленко // Античные коллекции из раскопок Северного Причерноморья / Центр изучения античности Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. – М.: тип. ИНИОН РАН, 1994. – С. 8–19.
- Danilenko V. N. O pervom muzee na yuge Rossii / V. N. Danilenko // Antichnye kollekcii iz raskopok Severnogo Prichernomor'ja / Centr izuchenija antichnosti Instituta mirovoi literatury im. A. M. Gor'kogo RAN. – М.: tip. INION RAN, 1994. – С. 8–19.
9. Дьяконова И. А. Михели Георгий Яковлевич // Греки в истории Крыма: краткий биографический справочник. – Симферополь: Таврия-Плюс, 2000. – С. 207.
- D'jakonova I. A. Miheli Georgii Jakovlevich // Greki v istorii Kryma: kratkii biograficheskii spravochnik. – Simferopol': Tavrija-Plyus, 2000. – С. 207.
10. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях / М. Меховский / пер., комм. С. А. Аннинского. – М.; Л.: изд-во АН СССР, 1936. – 301 с.
- Mehovskii M. Traktat o dvuh Sarmatijah / M. Mehovskii / per., komm. S. A. Anninskogo. – М.; Л.: izd-vo AN SSSR, 1936. – 301 s.
11. Прохоров Д. А. К истории визитов членов императорской семьи Романовых в «пещерный город» Чуфут-Кале в XIX – начале XX в. / Д. А. Прохоров // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. – Севастополь; Тюмень, 2014. – Вып. 6. – С. 273–298.
- Prohorov D. A. K istorii vizitov chlenov imperatorskoi sem'i Romanovykh v «peshernyi gorod» Chufut-Kale v XIX – nachale XX v. / D. A. Prohorov // Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednekovogo Kryma. – Sevastopol'; Tyumen', 2014. – Vyp. 6. – S. 273–298.
12. Рахно К. Ю. «Трактат о двух Сарматиях» Мацея Меховского как источник по исторической этнографии Северного Причерноморья / К. Ю. Рахно // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. – Севастополь; Тюмень, 2012. – Вып. 4. – С. 91–96.
- Rahno K. Yu. «Traktat o dvuh Sarmatijah» Maceja Mehovskogo kak istochnik po istoricheskoi yetnografii Severnogo Prichernomor'ja / K. Yu. Rahno // Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednekovogo Kryma. – Sevastopol'; Tyumen', 2012. – Vyp. 4. – S. 91–96.
13. Соломоник Э. И. Новые эпиграфические надписи Херсонеса: лапидарные надписи / Э. И. Соломоник. – Киев: Наукова думка, 1973. – 284 с.
- Solomonik E. I. Novye yepigraficheskie nadpisi Hersonesa: lapidarnye nadpisi / E. I. Solomonik. – Kiev: Naukova dumka, 1973. – 284 s.
14. Соломоник Э. И. Латинские надписи Херсонеса Таврического: тексты, перевод, комментарии / Э. И. Соломоник. – М.: Наука, 1983. – 95 с.
- Solomonik E. I. Latinskie nadpisi Hersonesa Tavricheskogo: teksty, perevod, komm. / E. I. Solomonik. – М.: Nauka, 1983. – 95 s.

15. Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса / С. Б. Сорочан, В. М. Зубарь, Л. В. Марченко. – Харьков: Майдан, 2000. – 828 с.
Sorochan S. B., Zubar' V. M., Marchenko L. V. Zhizn' igibel' Hersonesa / S. B. Sorochan, V. M. Zubar', L. V. Marchenko. – Har'kov: Maidan, 2000. – 828 с.
16. Челеби Э. Книга путешествия: Крым и сопредельные области / Э. Челеби / 2-е изд.; пер., вступ. ст., комм. Е. В. Бахревского. – Симферополь: Доля, 2008. – 272 с.
Chelebi E. Kniga puteshestvija: Krym i sopredel'nye oblasti / E. Chelebi / 2-e izd.; per., vstup. st., komm. E. V. Bahrevskogo. – Simferopol': Dolja, 2008. – 272 s.
17. Шавшин В. Г. Балаклава – древняя и молодая: исторические очерки / В. Г. Шавшин. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2016. – 296 с.
Shavshin V. G. Balaklava – drevnjaja i molodaja: istoricheskie ocherki / V. G. Shavshin. – Simferopol': Biznes-Inform, 2016. – 296 s.
18. Baye de Joseph. En Crimée. – Paris: Librairie Nilsson, 1906. – 55 p.

Petrova E. B. The Crimea in the description and on the photos by French traveler Joseph de Baye (1905). Part 3. Simferopol, Bakhchisaray, Evpatoria, Sevastopol

Among the writings of travelers in the Crimea of the early XX century the book «In the Crimea» is of historical and ethnographic interest, written by the French scientist (archaeologist, ethnographer, historian), traveler, collector, photographer Baron Joseph de Baye (1853–1931), who has done much to establish the relations of France with Russia. His book was published in Paris in 1906, but has never been translated into Russian. His journey in the Crimea took place in August–October of 1905. He visited Simferopol, Bakhchisaray district, Evpatoria, Yalta, Alupka, Nikita, Gurzuf, Alushta, Feodosia, Sary Krym, Otuzy, Sudak, and then the South-Western Crimea – Inkerman, Balaklava, Sevastopol. De Baye had a professional curiosity about the Crimean peninsula. The book and pictures of Joseph de Baye complement our knowledge about the Crimea of the early XX century, the appearance and the life of its peoples, monuments of history and culture. This article continues the publication of Joseph de Baye's book. Translated into Russian by G. I. Bednarchik.

Keywords: travelers in the Crimea in the beginning of XX century, Baron Joseph de Baye, Simferopol, Bakhchisaray, Uspensky monastery, Chufut-Kale, Mangup, Karalez, Evpatoria, Chersones, Sevastopol.